

Люди, веками хоронившие своих близких на этом заполненном страданием клочке земли, видимо, не имели понятия о скучной правильности аллей, не знали о симметрии, противились тюремщине порядка. Могилы теснились, сбивались в кучи, точно там, в холодной глине, мертвецы тянулись друг к другу, чтобы не лежать в страшном одиночестве. Больная луна бросала жалкие пригоршни света на траурные крылья крестов и покосившиеся глыбы памятников. Дотянуться до земли, отыскать тропинку у нее не хватало сил.

Никита неосторожно повернулся и ударил лопатой об ограду. Противный металлический звук прошил погост насквозь и перелился в тишину. Девушка быстро огляделась по сторонам и обмерла. Совсем рядом, справа, кто-то скорбно склонился над белой плитой. Елена хотела броситься назад, но ноги мгновенно утратили легкость, приросли к земле. Девушка напрягла зрение и судорожно выдохнула. Свидетеля их нечистого дела нет. Это ночь превратила обык-

новенный куст в плакальщика. За спиной сестры Никита снова потревожил тишину: «Вот она...»

Елена смотрела на усыпанный увядшими, источающими сладковатый гнилостный запах гвоздиками, утыканный венками свежий холм и чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Сердце кричало, по-детски заходило в плаче: «Не хо-чу! Не мо-гу! Не на-до!..»

Девушка закусил губу и шагнула вперед. Вцепилась ледяными пальцами в щетину венка и потянула. Украшенный желтыми розами овал всхлипнул и подался. Елена отбросила венок и, не давая себе времени на анализ происходящего, ухватилась за второй, за третий. Слепым движением собрала мертвые гвоздики и отшвырнула подальше. Взяла в руки лопату. Она удивительно легко вошла в неосевшую землю. Никита, секунду помедлив, присоединился к сестре.

Комья глины летели в стороны, слышалось натужное хриплое дыхание загоняющих себя людей. Изредка девушка разгибала ноющую спину и поглядывала в сторону востока. Но он еще спал, безглазый и холодный. Чем глубже раскрывался дом мертвеца, тем сильнее ужас сжимал сердце Елены. Ей казалось: еще немного, и оно лопнет от того, что его заставляют пережить. Девушка опускалась все ниже, точно вращалась в могилу. Очень медленно. Покорно. Безнадежно. Когда лопата ударилась о крышку гроба, новый приступ страха прошил Елену с головы до ног. Она уцепилась за край могилы и,

ломающая ногти, как ошпаренная выскочила наверх. Следом поднялся Никита.

Не глядя друг на друга, они подошли к неподвижному телу, завернутому в простыню. Пару минут постояли, не решаясь притронуться к нему. И вдруг, быстро, рывком, схватили страшный груз и швырнули в могилу. Он ударился о крышку и издал странный звук, будто глухо выругался. Брат и сестра с лихорадочной торопливостью спасающихся принялись засыпать яму. Скорее упокоить двух мертвецов! Погасить землей обличающую белизну савана! Но усилия не приносили результата. Точно кто-то невидимый всасывал глину в огромную черную пасть. Мускулы девушки одеревенели, пот залил глаза, покорная тупость спутала сознание. Руки Елены двигались теперь слишком медленно, но она ничего не могла поделать, как и засыпать эту чертову яму. Со дна ее снова донеслось что-то похожее на придушенный стон. Девушка вздрогнула и... открыла глаза.

Солнце пристально смотрело в комнату, разжиживая впечатление от мерзкого сна. Елена подняла ладони. Несколько секунд пристально смотрела на них, точно пыталась разглядеть кровавые следы, оставленные ночной работой. Руки болели. С усмешкой Лена вспомнила тещу Кисы Воробьянинова, весь день мучившуюся вопросом, почему ей ночью девушка в золотом кушаке привиделась. Глупо забивать себе голову потусторонней ерундой. Вот только странно... Сон о сокрытии трупа Елена уже видела с ме-

сяц назад. Теперь он повторился, выматывающий, очень реальный и очень страшный.

С кухни донеслось утробное кваканье отчима. Девушка прикрыла глаза, пытаясь отгородиться от кошмара дневного. Но громкие звуки складывались в злорадное: «Не получится!» Елена рывком встала.

Сидя посреди кухни на облезлом табурете, отчим с напряженным интересом читал замасленных «Братьев Карамазовых». Низкорослый и худой, он, однако же, умудрился расположиться так, что Людмиле Ивановне, мечущейся от газовой плиты к столу, приходилось проявлять чудеса ловкости, дабы не задеть острый, далеко выставленный локоть или непрерывно стучавшую о пол ногу. Женщина знала: хозяин имитирует погруженность в роман Достоевского, а тем временем он искоса следит за ее пугливыми, суетливыми движениями настоящим взглядом выжидающей своего змеи.

Елена с облегчением вздохнула: хорошо, что сегодня отчим не заперся в душе. Впрочем, уединяться там на время, за которое успела бы вымыться многодетная семья, он имел привычку в рабочие дни: «Люблю, когда опаздывают...»

Набывчившись, домашний тиран прочитал вслух: «Широк человек. Я бы сузил». Людмила Ивановна с ножом в руке замерла над батоном, словно раздумывая, не ее ли решил обуздить этот червяк. Его самого природа немилосердно обкорнала при рождении, отпустив не только минимум роста, но и мизер ума и совести.

Ожесточенно Елена плескала в лицо обжигающе холодную воду, точно стремилась смыть остатки гадкого сна, свои сомнения в удачном исходе предстоящего дела и недобрые мысли. С кухни раздался писк. Не закрутив кран, Елена бросилась на помощь. Прижимая руку к красной щеке, мать, сжавшись, стояла в углу комнаты. На кухню заскочил Никита и кинулся с кулаками к отчиму. Однако тот отшвырнул мальчишку, как котенка.

Елена срывающимся голосом выкрикнула:

— Я сейчас милицию вызову!

Отчим развел руками:

— Сыночек первым полез. А это... — он кивнул в сторону съезжившейся женщины, — так... Пощечина не удар, а средство морального поощрения.

Елена чувствовала, как в сердце бурлит желание вонзить острые и злые слова в философствующего подонка. Как оно поднимается, грозя прорвать ее установку: не отвечать! Отчим только этого и ждет. Он в настроении поработать кулаками. А ей сегодня никак нельзя опаздывать.

Вразвалочку отчим направился в зал. У папы сына приостановился, криво улыбнулся:

— Вот бы кого в ментовозку, а из нее — в камеру. Там бы эту птицу за одну ночь научили уважать старших.

На столе между сковородкой с остывающей яичницей и ножом остались лежать раскрытые «Братья Карамазовы». Как порция мышьяка,

приготовленная заботливой рукой отравителя. Теперь роман будет мешаться здесь невесть сколько. Но никто не осмелится даже отодвинуть книгу в сторону, не то что убрать ее, пока отчим сам не соизволит сделать это.

Не притронувшись к еде, девушка скользнула в спальню. Достала остатки косметики и попыталась «подправить» себе лицо. Следом приплелся Никита. Нахохлившись, сел в углу:

— К Егору не пойду. А то гад сегодня точно мать избьет.

Елена кивнула. Про себя она называла низкорослое ширококостное чудовище только «отчим», старательно гася эмоциональные определения этого пустодушия, точно боясь ненароком слишком приблизиться к нему.

— Надо бы что-нибудь тяжелое приготовить, чем его двинуть... — в задумчивости произнес мальчишка.

Рука девушки с кисточкой дернулась, испачкав тушью веко.

— Он вас этим же и отделает. Лучше, если его заносить начнет, сразу к тете Клавье уходите.

— Надоело к ней бегать.

— Ну так на улице меня дождитесь! — в голосе девушки прорвалось раздражение. Ей нужно настроиться на предстоящий разговор, а родственнички дружно стараются сделать все возможное, чтобы она провалила «экзамен».

Елена прошла в зал. Отчим сидел в углу в кресле-качалке, склонив башку набок. Его сильные пальцы беспрерывно двигались, точно счи-

тая что-то на животе. Кресло недовольно, с то и дело меняющейся тональностью поскрипывало. Девушка дернула дверцы шифоньера. Что же надеть? Выбор не богатый. Не было бы и этого, если бы не школьная подруга Марина Щерба — никому не известный, но талантливый модельер, почти даром горбатившийся за гроши в ателье «Русская нота». Часто Елена повторяла своему личному кутюрье: «Когда-нибудь ты обязательно прославишься». Точно с такой же безнадежной обреченностью она уговаривала себя: «Однажды ты станешь счастливой».

В задумчивости Елена погладила острые углы выреза темно-синего костюма. Вообще, друзья — ее спасение. Руслан вот приискал несчастной безработной новую пристань. Впрочем, он не просто друг. Вернее — не совсем. А еще правильнее — совсем непонятно что. На мгновение лицо Елены сделалось беспомощным и нежным, и отчим тут же подал голос из угла:

— Наша Сонечка Мармеладова собирается на работу.

Щеки девушки запылали, рывком она сняла с вешалки костюм. В зал заскочил Никита.

— Заткнись, ублюдок! — его мальчишеский голос звякнул нестрашно, скорее жалко.

Отчим, глядя на узкие бедра падчерицы, смачно выругался. Парень снова с глупой нерасчетливостью юности бросился с кулаками на мужчину и опять отлетел, нокаутированный радостно выброшенным вперед тяжелым кулаком. Отчим подмигнул падчерице:

— Он сам полез, Елена Преглупая.

Девушка сделала быстрый шаг вперед и остановилась. Нет. Не получится... Они уже пробовали. Вопреки законам природы, отчим, имея малый рост, обладал прямо-таки животной силой. Может, ему помогала ненависть, в которой захлебнулись бы и десять человек?

Позвонить ментам? «Сперва сходите, удовольствие имеете, потом головкой думать начинаете...» С содроганием Елена вспомнила недовольно-наглую морду правоохранителя, вызванного в прошлый раз на помощь. А уж тогда следы рук отчима были и на лице (у Людмилы Ивановны) и налицо (черепки посуды, раскуроченные стулья). Да и в итоге воспитательное мероприятие принесло только вред. Заявившись домой после отсидки, отчим в первый же день избил мать. Елена узнала об этом случайно. Через неделю.

Девушка взглянула на часы и торопливо прошла к себе в комнату. Переоделась, схватила расческу. Снова появился брат.

— Я же просила вас... Сколько раз! Не разговаривать с ним. Он только и ждет, когда вы ответите. Неужели непонятно?

— Ты скоро придешь?

— Постараюсь побыстрее. Не разговаривайте с ним. Пусть плетет, что в голову придет. Ты меня понял?

— Через час?

— Попытаюсь. Ты слышал, что я сказала?

— ...Да.

В прихожей Елена мельком взглянула на себя в зеркало, наклонилась за туфлями. В дверном проеме нарисовался отчим:

— Приятных бл...

Ему ответило старательное ненатуральное молчание. Девушка схватила сумочку и выскочила вон. Торопливо сбежала по лестнице, приостановилась и чуть не расплакалась: она забыла ключи от машины! Возвращаться — плохая примета. А в их квартиру — в особенности. Возможно, там уже набирает обороты новая ссора, которая безжалостно затянет и Елену в свое нутро. Торопливо девушка двинулась в сторону автобусной остановки.

Он узнал ее сразу. Руслан, характеризуя свою подружку, напирал больше на ее деловую ценность. О женских качествах обронил только: «Она особенная». Девушка, торопливо вошедшая в бар, не походила на других. Расстроенная от того, что опоздала на важную встречу, она казалась трогательно незащитной. Яркие глаза, в которых еще теплилась надежда: мужчины тоже где-то подзадержались — пробежали по столикам, натолкнулись на Руслана и погасли. В ту же секунду девушка попыталась сделать вид, что она обыкновенная. Стремительно пересекла зал. Улыбнулась:

— Добрый день. Прошу прощения за опоздание. Непредвиденные обстоятельства.

Поздно Елена встала из-за отчима. До четы-

рех часов утра он осовело пялился в «голубой» экран, отрегулировав громкость так, чтобы не слишком озлоблять соседей, но в то же время не впускать покой в собственную квартиру.

— Лена Вербина. Дмитрий Львович Басуев.

Молодой мужчина напротив кивнул девушке с холодной надменностью власть имущего.

— Лена — класснейший специалист, — продолжал Руслан, пощипывая подбородок. — Но так вышло, что сейчас без хозяина...

Вербина переживала за Руслана, вынужденного унижаться перед своим заносчивым то ли другом детства, то ли дальним родственником, чтобы помочь ей. Однако вставить свое слово в жалкий монолог Лескова не решалась.

Прищурившись, Дмитрий Львович наблюдал, как глаза девушки ярче синеют от каждого опуса Руслана, точно его неудачные обороты отдаются в ней болезненными толчками.

— Как долго вы работали в «Никсе»?

— Пять лет.

— Почему ушли оттуда?

— Фирма развалилась.

— А не потому ли это случилось, что работники плохо справлялись со своими обязанностями?

Он все-таки заставил ее посмотреть прямо. В глазах, секунду назад казавшихся ему беззащитными, что-то подняло темные крылья.

— Нет, — ответ прозвучал холодно и резко. — У нас был замечательный коллектив. Но Иван кому-то что-то не заплатил. Переоценил

свои силы. А когда был готов заплатить и больше, чем требовали, они не захотели взять и прихлопнули «Никса».

Басуеву не понравилось, что Вербина назвала своего бывшего босса по имени. С безотчетным злорадством кивнул:

— Я же говорил: непрофессиональное ведение дела.

Девушка остро чувствовала флюиды неприязни, настойчиво ползущие от этого гладкого лосося. Он слегка морщился, отворачивался, а когда смотрел на Елену, в его глазах кристаллизовалась зимняя надменность. Дмитрий Львович, наверное, сердится на претендентку на хорошее место за ее опоздание, на Руслана, который на правах друга пытался впихнуть в его высокопрофессиональную фирму Нечто без соответствующей марочной «наклейки», на себя за то, что не решился сразу сказать Лескову «нет». Вот и сейчас не может бросить в лицо несобранной молодой женщине это короткое ледяное слово. Ничего. Он скажет. Но чуть позже.

— У нас испытательный срок две недели. Если не справитесь... — Басуев развел руками: мол, выплывешь — хорошо, а нет — еще лучше.

Руслан довольно заулыбался, точно сам неожиданно пристроился на доходное место.

— У нее все получается! Леночка — умница!

Кажется, новые рекомендации друга окончательно испортили мнение Басуева о Елене. Он вдруг совершенно перестал обращать внимание на Вербину. Разговаривал только с Рус-

ланом, точно они сидели вдвоем и трепались о своих мужских делах и делишках. «Еще немного, и начнут сплетничать о бабах», — с тоской подумала Елена. Она ломала голову над тем, как ей вклиниться в их беседу, чтобы сказать «спасибо, благодетель» и «до свидания». Однако Басуев избавил ее от решения сложной задачи. Неожиданно встал. Пожал руку Руслану. Бросил взгляд на Елену. Плавно переместил его на друга, словно связал им просителя и опоздавшую протеже.

Девушка опять приготовилась прощебетать слова благодарности, но под холодным взглядом Дмитрия Львовича они застыли где-то внутри и не захотели, искренними и теплыми, выбраться наружу. Идя к выходу, Басуев подвел про себя итог встрече: «Я сваял дурака... Нет... даже идиота».

— Руслан, ты меня спас. Причем в очередной раз. Тысячу раз спасибо!

— Пустяки, — Лесков слегка покраснел. — Все наладится. Дмитрий — хороший мужик. Иногда на него, правда, накатывает... Как сегодня, например. Но с кем не бывает?! И главное — я буду спокоен за твою безопасность.

Елена вскинула на собеседника непонимающие глаза. Смущенно хмыкнув, Руслан пояснил:

— Басуев никогда не заводит интрижки с подчиненными, хоть и кобель, каких еще поискать.

Глаза мужчины пытливо уставились в лицо

Вербиной. Но она слушала откровения о личной жизни своего нового хозяина вполуха. Чувство долга кивало на дверь: тебе пора возвращаться. Из уютного бара опять в пекло домашнего ада? Очень не хочется. «Еще пять минут», — попросила Елена свою совесть, беря в руки чашку.

— Поедем ко мне, — неуверенно предложил Руслан. — Отпразднуем событие.

Елена поставила кофе на место, выдавила:

— Не могу. Отчим с утра в ударе. Надо домой. Я очень спешу.

— Тебе все-таки нужно как-то решить этот вопрос.

Елена согласно кивнула. Необходимо! Но беда в том, что отчим был «вопросом», который никак не хотел решаться. Он не соглашался на размен квартиры, а просто выгнать мучителя у Вербиных не хватало сил.

— Я даже не знаю, что с ним делать. Он трезвый еще злее, чем пьяный, — девушка откровенно призналась в своей беспомощности единственному человеку, который не ждал от нее твердости характера и киношных бойцовских качеств.

— Да просто переезжай ко мне, — голос Руслана звучал жалко и просительно. С такими интонациями он, наверное, уговаривал айсбергового Дмитрия Львовича взять в фирму одну очень хорошую девушку, которой надо помочь. Лесков, кажется, искренне верил, что в новорусском мире слово «помочь» не утратило свою праведную силу и способность открывать сердца.

— Вот и все решение проблемы.

Девушка испытала чувство раскаяния от того, что завела этот разговор. Ладонью слегка отодвинула чашку от себя:

— Нет... Я не могу... бросить мать и брата.

— И с ними со временем что-нибудь придумаем.

— Мне неудобно... Постоянно приходится заставлять тебя что-то придумывать, решать.

— Я этому рад, — усмехнулся Руслан. — Ты же знаешь.

Под его взглядом, грустным и тяжелым, Елена покраснела. Торопливо встала:

— Ой, сколько времени уже!

Руслан тоже поднялся:

— Я подвезу.

В машине Елена с головой погрузилась в волнительные мысли о завтрашнем дне. Лесков поглядывал на притихшую девушку и тоже молчал. Когда до дома оставалось с десяток метров, Вербина попросила: «Останови здесь». Девушка боялась, что отчим увидит из окна, как она выходит из чужой машины, и встретит ее новым потоком грязи. Руслан послушно затормозил.

— Спасибо тебе еще раз. Огромное. Даже не знаю, что бы я без тебя делала.

Чмокнула мужчину в щеку. Тот, напряженно глядя перед собою, спросил:

— Может, мне пойти с тобою?

Елена вздрогнула. Что может интеллигент-

но мягкий Руслан противопоставить железным кулакам отчима? Силу своего ума?

— Нет! — торопливо девушка выбралась из темно-синей новенькой «Лады» и устремилась вперед.

Она уже прошла мимо него... Потому что еще не выплыла из радужного поющего моря надежд. От того, что, сказав в очередной раз Руслану «подожди», чувствовала себя лгуньей и неплатежеспособной должницей. Стыдно и нехорошо! Потому что тот, кто сидел на корточках на подмороженной земле за углом дома, был ей незнаком. Совершенно не... Медленно Елена обернулась и слабо вскрикнула. Страшное предчувствие пронзило сердце ледяным штырем и тут же накрыло черным плотным плащом. Девушка бросилась к раздетой застывшей фигурке, тронула ее за тонкие плечи:

— Никита! Что случилось?

Брат поднял на сестру чужие, далекие глаза, прошептал:

— Я убил его... Кажется...

Девушка быстро отдернула руки, точно обожглась о холодное тело.

— Застрелил...

Елена прикрыла глаза. Она виновата! Ружье, в числе немногих вещей оставшееся от отца, всегда вызывало у нее глухое чувство страха. Она бы давно выбросила его! Если бы не брат... Для него ствол являлся частью памяти о человеке, которого можно любить. И на беззащитное чувство подростка Елена не покуша-

лась, хотя в глубине ее сознания всегда таилась присказка о ружье, которое обязательно выстрелит в последнем действии.

— Случайно получилось... Правда!.. Всего один раз выстрелил... Я не знал, что оно заряженное... Просто попугать его хотел... Правда...

Наверное, эти неумелые, бесполезные оправдания роились в голове паренька, пока он неподвижно сидел у дома, ожидая то ли помощи, то ли расплаты. И сейчас слова рвались в беспорядке, уничтожая дневной свет.

— Может, ты только ранил его?

Брат с надеждой поднял на девушку выстуженные глаза. На самом дне их трепыхнулась теплая жизнь:

— Если бы... Если б! Пойдем посмотрим! А то я один боюсь туда идти!

Вдвоем они понеслись по лестнице, точно пытались убежать от смертельной опасности, дышащей им в затылок. Елена нажала на кнопку звонка и сразу же полезла в сумочку. С трудом отыскала ключи. Уронила их. Подняла непослушными пальцами с заляпанного пола. Открыла верхний замок. Больше всего на свете ей хотелось увидеть живым низкорослого ненавистного человека. Но он, конечно, не пожелал доставить приемышам такую радость.

Отчим лежал посреди коридора в неловкой свинцовой позе, и Елена, до того как дотронулась до тела, поняла: ничтожная мелкая душонка уже покинула его. Железные кулаки наконец-то разжались. Возле правой руки валялся

нож с облезлым коричневым черенком. Наверное, отчим вошел в раж, стремясь нагнать страху на Людмилу Ивановну. А пасынок неожиданно решился припугнуть его. Лицо отчима в гриме теней, казалось, злобствовало: как будете жить теперь?

— Он мертвый? Мертвый?! Да?! — взвизгнул Никита.

Через силу Елена подошла ближе. Она не могла заставить себя приложить ухо к груди отчима. Страшно! Да и в юности уверовала: там не корчится от боли и жалости теплый живой комочек, там пусто-то-та. Девушка судорожно вздохнула.

— Мертвый?

Подстегнутая сочащимся ужасом криком брата, Елена опустилась на колени. Взяла руку мужчины. Она показалась девушке очень холодной и тяжелой. Фонтанчик жизни у запястья уже давно не пульсировал. Так Елена и думала. Но несколько минут она мяла пальцами синюшную дряблую кожу, точно надеялась, что от теплых прикосновений в теле проснется жизнь. А может, просто боялась поднять глаза на брата и ударить его приговором: мертвее мертвого!

Никита поднял вверх руки и пробежался по коридорчику, больно ударился о тумбочку, развернулся:

— Умер!.. Ну конечно!.. Гад! Гад!

Губы девушки дергались. После нескольких

беспольных попыток она выдавила страшным голосом:

— П-п-прос-ти..

— Да! Если бы ты не ушла! Если бы!..

Елена поднялась. Как слепая, спотыкаясь, двинулась в спальню. В гостиной застыла: преграждая путь, валялось отцово охотничье ружье с переводной вислоухой собакой на прикладе.

«...Папа, а почему у нее такие большие уши?

— Чтобы лучше слышать Леночку...»

Девушка резко развернулась и поплелась на кухню. Без сил плюхнулась на табурет. На столе между тарелками с остатками яичницы лежали раскрытые «Братья Карамазовы», как привет от отчима, не желавшего хоть на миг дать им забыть, что они сделали. Елена прикрыла глаза. Несколько минут сидела, раскачиваясь, оглушенная и потерянная. Брат прав: если бы она не ушла!.. Бросила беспомощных птенцов! Сбежала! Вот им и пришлось неумело защищаться самим... Идиот! Насмотрелся боевиков!

Матерные слова проникли в затуманенный мозг девушки. В соседней квартире мальчик Петя слушал песни какой-то продвинутой новомодной звезды. По выходным он увлеченно травил этой музыкальной порнухой весь дом. Включал магнитофон на полную громкость и открывал форточку, точно стремился организовать нецензурно-попсовый ликбез в масштабах одной многоэтажки.

— Где мать? — прошептала Елена.

Никита дернулся. Кинулся в спальню. Споткнулся в прихожей, в зале... Вернулся растерянный:

— Нету.

Значит, мать у тети Клавды. У сердобольной одинокой женщины, живущей тремя этажами выше, Людмила Ивановна не раз пряталась от разбушевавшегося мужа. Клавдию Прокоповну отчим не то чтобы боялся или уважал, скорее по-звериному опасался, и на ее территории жертву оставлял в покое. Теперь мать попыталась скрыться под гостеприимным кровом от новой беды.

Елена, шатаясь, поднялась. Девушка чувствовала себя так, словно роковой выстрел настиг и ее, и в открывшуюся рану вытекли силы, решительность и несколько солнечных лет жизни.

— Маму надо привести, — Елена приказывала себе — не брату. «Давай! — мысленно поднажала она. — Ведь все равно однажды придется показаться на глаза людям».

Дверь квартиры открылась сразу. Тетя Клава, молодая пенсионерка, еще не утратившая жажду любить, работать и совать нос в чужие дела, нарисовалась на пороге.

— Мама у вас?

— Проходи. Валерьянкой ее отпаиваю. Что там опять случилось?

Елена заломила пальцы: «Вот оно... Сознаться...»

— Ваш террорист совсем совесть потерял.

Я это и участковому сказала, когда он к Гридину приходил насчет его спиртзавода. А ты не знала? Ну вот еще. И мать тоже. Совсем жизнью дома не живете. Да. Покупал спирт где-то. Разводил его хорошо. Ну, в точности технология мне не известна. Может, дихлофосом. Для крепости и этого... головного эффекта. И шли к нему жаждущие, и шли днем и ночью, как на ВДНХ. Некоторые, правда, квартиркой ошибались, ломались к соседке Гридина — Лапиной. Она, конечно, женщина положительная. Но как Лапин на работу — к ней такой мужчина интересный подъезжает на черной «Волге». А тут — в дверь грохот. Я ситуацию представляю — подштанники не сразу найдешь, не то что дырку в них. В общем, довели женщину. Она пошла и заявила по всей форме — анонимно. И забрали нашего самогонвара. А уж вашего тирана и по-давно пора в каталажку.

Углы губ девушки жалко опустились.

— Ой, какая ты сегодня нарядная! — новый приступ любопытства сотряс Клавдию Прокоповну. — Сейчас угадаю. Со свидания?

— С делового.

— А-а-а. Да. Сейчас и такие появились. Ну так что? Прудников опять руки распустил?

Масса пустых слов, выпущенных добродушной сплетницей, погребла порыв девушки признаться. Она лишь обронила, как каркнула:

— Да.

— А ты простудилась, — отметила тетя Клава.

Елена молча кивнула, боясь опять не справиться с голосом.

Людмила Ивановна с лицом несчастной дурочки, ссутулившись, сидела на стерильной кухоньке тети Клавды. Увидев дочь, женщина сжалась еще сильнее, губы ее распустились, глаза затуманились. Елена испугалась, что сейчас мать расплачется, запричитает, забьется в ледяных объятиях горя. И слабая на язык Клавдия Прокоповна станет непосредственной участницей последнего акта их семейной драмы. «Убили его бедненькие. Да. А вы не знали?..»

— Мама, пойдем домой.

Людмила Ивановна вздрогнула, точно слабое сопротивление попыталась оказать.

— Пойдем... Он ушел.

Елена прикрыла глаза. Перед мысленным взором ее заалела кровавая дорожка, протянувшаяся от мертвого тела. Людмила Ивановна уцепилась за табурет.

— Ну же! — голос девушки прозвучал нетерпеливо и грубо.

Нехотя женщина встала. Незряче огляделась вокруг и двинулась вслед за дочерью. Елена торопливо выбрасывала слова на ходу:

— Спасибо вам, тетя Клава. Вы всегда нам помогаете. А то у мамы слабое сердце..

Слабое сердце! Да, именно оно навлекло на них множество несчастий, а теперь привело уже и настоящую беду.

Вербины сбились на тесной кухоньке, и Елена, пряча глаза, наконец произнесла:

— Надо позвонить в милицию.

Лицо Никиты стало совсем черным. Он взвизгнул голосом ребенка, которого истязают:

— Не хочу в тюрьму!

На мгновение девушка пожалела, что не призналась в содеянном энергичной тете Клаве. Та, без сомнения, взяла бы все в свои крепкие руки — от вызова ментов до организации похорон.

У девушки зацепало в глазах. Выталкивая следующую фразу, она чувствовала себя преступницей самого последнего сорта, из тех, что не щадят даже близких:

— Тебе ничего не будет. Это же самооборона.

Елена пыталась убедить себя, что брату действительно ничего не будет. Есть же, в конце концов, справедливость на белом свете! Но тут же страшные истории о милицейском беспределе, которые девушка слышала от знакомых, читала в газетах, закрутились в ее голове, сцементировались в жуткий давящий ком. А если будет? Ружье не зарегистрировано. Никита ненависти своей к отчиму не скрывал. Елена вспомнила, как однажды брат угрюмо обронил: «Хоть бы его пришил кто-нибудь». А вдруг своими черными чаяниями мальчишка поделился с Егором или еще с кем? Где-то вдалеке издевательски прокаркал отчим, который, даже сыграв в ящик, не желал оставлять их в покое: «Вот бы кого в ментовку, а из нее в камеру. Там

бы эту птицу за одну ночь научили уважать старших». Никите скоро семнадцать!

— Адвоката найдем, — Елена попыталась наметить линию обороны.

— На какие деньги?! — мягкая Людмила Ивановна вдруг заговорила хамски агрессивно. — И где его найти? Хорошего? Засудят! Посадят! Мальчика моего... О-ох...

Наконец она заплакала, громко, взхлеб, истерично. Ее рыдания перекрывали матерные слова, вылетающие из глотки неизвестного певца, и, кажется, сотрясали весь дом.

— Зайдем, — растерянно произнесла Елена.

У кого? Тут же перед ее глазами возникло лицо Руслана, всегда готового прийти на помощь. И вдруг где-то на задворках сознания замаячила высокая сильная фигура. «Ты потеряла работу», — ахнуло сердце. Девушка удивилась себе: в такой момент думает о теплом местечке в фирме и ее холодно-высокомерном хозяине. Усилием воли она отогнала пустые мысли.

— Ссуду возьмем. Придумаем что-нибудь.

Лепет сестры не успокоил Никиту. В глазах паренька продолжало биться паническое: «Не хочу в тюрьму!»

— Засудят, — Людмила Ивановна снова сделалась слабой и беззащитной. — План на нас сделают. Найдут, к чему придраться.

— Значит, надо подготовиться... Договориться, чтоб лишнее не сказать. Соседи подтвердят, как он нас мучил... Все же знают... Ну что еще мы можем сделать?!

Отчаянный крик девушки взлетел и упал в гулкую тишину. Мальчик Петя, получив достаточную порцию музыкального безобразия, «угомонил» магнитофон. Давно? Елена только сейчас заметила это. Неожиданно ей захотелось позвонить кому-нибудь и спросить совета. Ну хотя бы Руслану! И в этот момент раздался длинный звонок в дверь. Словно кто-то, очень чуткий, по неведомым каналам узнал: сейчас Вербины крайне нуждаются в человеке, который подтолкнет их к принятию правильного решения — к распахнутым дверцам милицейской машины.

Преступники испуганно сжались. Все особенно остро почувствовали враждебность мира, отделенного от них стенами квартиры. «Ну же, уходи!» — мысленно взмолилась Елена. Нет. Они еще не готовы к признанию. Однако настойчивый звонок повторился. Словно стоявший за дверью точно знал: хозяева никуда не ушли — притаились.

— Клава, наверное, — мать виновато мотнула головой.

Скорее всего. Возможно, явилась с порцией успокоительных речей для Людмилы Ивановны и с какой-нибудь материальной поддержкой типа только что испеченного пирога с яблоками для остальных. Елена покорно прошла в коридор. Не снимая цепочки, приоткрыла дверь и чуть не упала. На пороге вместо сердобольной тети Клавы стоял, широко расставив ноги, брат отчима — Геннадий. Глаза болотного приглу-

шенного цвета, мясистый нос, издевательский изгиб губ. Все черты лица знакомые до ужаса, только слегка расплывшиеся то ли от зачатков душевной мягкости, то ли от более усердной работы за столом. Елена опустила веки, сгорбилась.

— Николая позови, — не поздоровавшись, угрюмо попросил дядька.

— Его нет... — Вербина вцепилась в цепочку, пальцы девушки побелели. — Ушел.

С бесполезным упорством она еще продолжала причислять мертвого к миру живых.

— Куда?

Девушка чуть повернула голову и, сделав испуганное резкое движение шеей, уставилась прямо на гостя:

— Не знаю.

— А мать где?

— Спит. Вчера отчим полночи телевизор смотрел. Мешал. И Никиты нет. Никого!

Геннадий нахмурился:

— Ну так я подожду у вас брательника-то. Он мне застрелиться как нужен.

— Нет! — взвизгнула девушка. — Я убираю. Завтра приходите! Нам некогда!

Быстро она захлопнула дверь и глубоко выдохнула. Пот ручьями струился по бледному лицу Елены. Ей снова представилась возможность выпустить страшную правду на волю, и она опять загнала ее в глубь квартиры. Брату... Разве она смогла бы его брату...

Елена обернулась. Из кухни испуганно, как